

XIX в. Это было время активной подготовительной – собирательской – работы, лишь к середине столетия отмеченной целым рядом публикаций.

У истоков своеобразного словарного «прорыва», несомненно, лежала успешная реализация национального лексикографического проекта, результатом которого стал «Словарь Академии Российской» (первое издание – 1789–1794, второе, расширенное и измененное в порядке расположения статей – 1806–1822). Уже в этом лексиконе были обозначены основные направления работы: материалом для составителей САР послужили тексты современных им светских и духовных книг, а также памятников древнерусской письменности. Определенное отражение нашла здесь также простонародная и областная лексика. Такой контаминированный характер САР-1 и САР-2 (удержанный также в следующей значительной публикации Академии наук – «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.) должен был отнюдь не смешать языковые плоскости, но, напротив, развести их, выявить зоны наибольших сближений и показать следствия длительного взаимодействия.

Вместе с тем практически тогда же была осознана необходимость дифференцированного подхода к исследованию и словарной фиксации такого разнопланового материала.

За разработку сугубо исторической линии – представление лексики прежних эпох – взялись А. Х. Востоков и И. И. Срезневский, но их труды увидели свет уже во второй половине XIX в. («Словарь церковнославянского языка» А. Х. Востокова [1858–1861], «Материалы для словаря (древне)русского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [1893–1912]). Стоит ли удивляться такой неспешности – подготовительные работы длились десятилетиями и в основном базировались на изучении неизведанных прежде текстов. О размахе деятельности можно судить по высказыванию самого И. И. Срезневского: «Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех (разрядка моя. – В. М.) памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках» [18:III].

Исследовательское же внимание к диалектной лексике, обернувшееся рядом лексикографических публикаций второй четверти XIX века, пожалуй, берет свое начало с инициативы Московского университета. В «Положении Собрания университетских питом-

цев, сделанном в полном заседании января 27-го дня 1789 года для Г. Почетных Ординарных и Экстраординарных иногородных членов» приводится приглашение, обращенное к выпускникам, чтобы они «смотря по времени, склонности и случаю, взяли на себя благой и произвольный труд присылать от времени до времени в Собрание нужные и любопытные сведения о тех городах и местах, в которых они или живут, или среди которых им проезжать случилось либо случится, и именно относительно к 3 м пунктам: 1) к натуре, 2) к гражданству и 3) к отечественному языку нашему (...): разнообразные его наречия, корни слов, особенные изречения и обороты, пословицы, поговорки, прибаски и прочее» [14:59]. Как утверждал позже П. К. Симони, «Положением» этим был возбужден интерес к собиранию областных слов и памятников народного творчества, нашедших себе приют на страницах трудов Общества Любителей Российской Словесности [14:59].

Начинание было подхвачено другими университетами, что обещало, но совсем не гарантировало успех предприятия. Вот как перспективы такой доморощенной лексикографии оценивал в то время проф. Казанского университета Г. И. Суровцев: «Мы наперед уверены, что она (наша мысль) не сбудется: потому что едва ли сыщется добровольный труженник (...), который бы принял на себя скучную обязанность шататься из угла в угол по России для собрания разноречий, из коих хотя бы и многие пригодились для полного восстановления нашей коренной народности». И в ссылке добавляет: «Что этого дела нельзя поручить людям всякого разбора, служит доказательством попытка нашего Университета, который (...) пригласил было штатных смотрителей и учителей своего Округа заняться собиранием туземных слов, и что же вышло? Эти люди, считая общеупотребительным языком только книжный, прислали списки слов, вероятно потому признанных ими за областные, что не встречали их в печатных книгах» [20:205–206].

Впрочем, со временем количество переходит в качество: 40-е годы XIX в. отмечаются рядом интересных публикаций диалектного материала. В 1843–44 гг. выходит двухтомный «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности», составленный В. Бурнашевым [11] (в числе сотрудников

этого лексикона поименован В. И. Даль). По свидетельству автора, «в состав этой книги входят двадцать пять тысяч слов, более или менее проясненных. Слова эти принадлежат к полеводству, луговодству, огородничеству, садоводству, домоводству, домостроительству, скотоводству, овцеводству, коноводству, свиноводству, пчеловодству, рыболовству, лесоводству, полеводству, плотничеству, кузнечеству, столярничеству... и проч. и, наконец, житью-бытью русского простонародья, т. е. обрядам, обычаям, описанию жилищ, пищи, питья, одежды, обуви, времяпрепровождения, увеселений и проч. в разных полосах нашего обширного отечества. Автор должен был прочесть, а не пролистать около трехсот томов разных сельско-хозяйственных универсальных и специальных книг на русском языке; поставить себя в сношения с множеством производителей по разным отраслям сельского хозяйства; беседовать часто с простолюдинами, посещать разные мастерские, постоянные двory, лавки, рынки, торжища, народные собрания и проч.» [11:1–II]. 1844–47 гг. знаменуют лексикографические публикации М. Макарова: «Краткий словарь народных речений» [5] и «Опыт русского простонародного словотолковника» [6]. Лексиконы эти, составляемые по поручению Общества любителей Российской словесности при Московском университете, воспроизводят «простонародные» слова, бытовавшие на территории трех десятков губерний Российской империи. Объемный по замыслу «Словотолковник», черпающий материалы преимущественно в «Трудах ОЛРС», из-за смерти автора не был закончен, и никто не внял предложению О. Бодянского, написавшего в послесловии к книге: «Весьма желательно было бы, чтобы кто-либо продолжил этот труд до конца, тоже преимущественно по тем же самым материалам» [6:181].

Иные лексикографические публикации 40-х годов XIX в. достаточно фрагментарно представляли микросистемы диалектной лексики конкретных регионов. Так, Н. Борисов, проживавший несколько лет в городе Шенкурск Архангельской губернии «имел случай собрать, между прочим, несколько (а точнее 336. – В. М.) простонародных слов, употребляемых в здешнем уезде» [2], П. Кузмищев прислал в редакцию «Москвитянина» словарь камчатских диалектизмов [7], примеры «провинциализмов» приводил в своем сочинении Ф. Буслаев [3] и т. д.

Составлением диалектного словаря русского языка в это же время занималась и Академия наук, ее второе Отделение, однако два больших академических лексикона – «Опыт областного великорусского словаря» [10] и «Дополнение» к нему [4] – вышли из печати уже во второй половине XIX в. – в 1852 и 1858 гг. В обоих случаях редактором подготавливаемых изданий был А. Х. Востоков, а программу по собиранию материалов для «Опыта областного великорусского словаря» написал И. И. Срезневский. Последним же предложены и дополнены сведения по вологодским и воронежским областным словам, диалектам северо-восточной Сибири [9].

Лексикон, о котором пойдет речь в этом докладе, хранится в Отделе рукописей РГБ. Это четыре тетради с вкладными листами (общей сложностью 241 лист без учета обложки), исписанные двусторонне на бумаге большого формата. При каталогизировании библиотечные специалисты обозначили рукопись как «Материалы для толкового словаря русского языка (слова областные, архаические, просторечные и т. д., извлеченные преимущественно из древнерусских памятников и памятников Западной Руси)¹. Содержащиеся здесь формулировки должны подчеркивать основную направленность деятельности составителя, ставящего в центр внимания исторические и диалектные слова и выражения. Рукопись датируется второй пол. 1830-х – первой пол. 1840-х гг., т. е. приходится на период интенсивных лексикографических работ по указанным направлениям, но лишь в стадии сбора материала. Никаких словарных публикаций в это время еще не существует.

Автором неоконченного и неопубликованного труда был Виктор Иванович Прахов (1803–1854), на тот момент могилевский, а потом мстиславский учитель словесности. Правда, региональная прикрепленность его «Материалов...» оказывается связанной отнюдь не с местом работы, но рождения этого человека. В. Прахов вырос в Вохме Вологодской губернии в семье дьякона (не случайно позже любил подписываться под сочинениями – «Вохомский Пономарь»). Закончил духовное училище в Великом Устюге, Вологодскую семинарию и, наконец, Московский

¹ Фонд 777-1-1: (буквы а-ж) 64 лл. + 14 лл. обл.; фонд 777-1-2: (буквы з-л) 54 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-3: (буквы м-п) 66 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-4: (буквы р-я) 57 лл. + 24 лл. обл.

університет. Как выпускник, получивший образование на казенный кошт, «Пономарь» был направлен на учительскую службу в Белорусский учебный округ, работал в Витебске и Вильне (1832–1836), Могилеве (1836–1840) и Мстиславле (1840–1848). В свободное от учительских забот время немного сочинял и переводил, а больше занимался любительскими исследованиями. Составлял комментарий к лексике «Слова о полку Игореве» и очень основательно анализировал текст Литовского Статута. Все эти начинания не были закончены. В 1848 году В. И. Прахов перенес холеру, следствием болезни был «мозговой удар» – инсульт [8:140–203]. Работу в гимназии пришлось оставить, самостоятельные исследования тоже. Виктор Иванович переехал для лечения в Петербург, но и столичные врачи не в силах были ему помочь...

«Материалы для толкового словаря» В. И. Прахова имеют, несомненно, рабочий характер. Единственное, что здесь неукоснительно соблюдается – это размещение статей в зависимости от отнесенности заглавного слова к той или иной букве алфавита. Автор нередко повторно обращается к толкованию зафиксированной прежде лексемы, уточняет формулировки, приводит новые иллюстративные контексты. Кроме того, едва ли большая часть лексикона воспроизведена дважды – в черновом и переписанном начисто вариантах. Все это затрудняет определение общего объема словарного материала, поэтому – с опорой на приблизительные подсчеты без детальной систематизации данных – назовем цифру: около 3 тысяч статей.

Общая направленность лексикона на первый взгляд вполне соответствует определению, под которым он фигурирует в архивном каталоге: здесь рассматривается современная для комментатора лексика, архаичные слова и выражения – равно как древнерусские, так и западнорусские, большой пласт составляют вохомские (вологодские) регионализмы и разговорно-просторечные лексемы. При ближайшем рассмотрении акценты расставляются несколько иначе, но, чтобы это показать, следует познакомиться с каждой из обозначенных словарных групп.

Историческая лексика представляется Праховым скорее по модели, используемой позже Срезневским, нежели Востоковым: запись содержит определение значения и более-менее развернутый перечень выдержек из старых текстов, в которых встречались коммен-

тируемые слова и выражения. В числе источников цитат фигурируют древнерусские летописи (Новгородская и Кенигсбергская) и разнообразные грамоты (межевые, правые, розъезжие – их тексты в основном воспроизводятся по изданию «Собрание государственных грамот и договоров» архива Министерства иностранных дел [17]), такие славные памятники письменности как «Слово о полку Игореве» и «Хождение Игумена Даниила». Прежнее право представляют западнорусские Статут и Трибунал Великого княжества Литовского. Вот несколько статей с таким – историко-иллюстративным – комментарием:

Бологодѣть -и, ж. АК Сл. пѣть. Да съ ними же послалъ бологодѣть отъ своей казны И. Г. Р. IX т. пр. 83 (т. е. История государства Российского Н. М. Карамзина. – В. М.). Того же лѣта (1567) Царь и В. К. отпустилъ съ своею бологодѣтью, отъ своей казны, своихъ гостей и купцовъ въ поморскіе государства ів пр. 260.

Гридьба охранное войско. Того же лѣта изгониша Литва Русу дажъ и до торгу, и стаха рушане, и заада, огнищане и гридьба, и кто купецъ и гости. Новгѣт. стр. 504. Онъ же прѣхавъ къ Ростову, и совок упивъ Ростовцы и бояры и гридьбу и пасынки и всю дружинугъха къ Володимиру. Кб. 263 (т. е. Кенигсбергская летопись. – В. М.). АС нгѣть.

Дорь с. м. ломъ, соръ; лѣсто, поросшее мелкимъ лѣсомъ, заваленное валежникомъ, сучьями и разнымъ хламомъ. А Кочевинскую, господине, пустошь купилъ игумень Христофоръ тому лѣтъ съ шестьдесятъ, а то, господине, доръ Кочевинской. Грам. 1490 г. А. Ю. (имеется ввиду издание Археографической Комиссии «Акты юридические» [1]. – В. М.). А от камня черезъ доръ к Топоровской борти да к сломленной ели. Межев. Грам. 1464. Да за рѣкою сосна сухая на дору на заросломъ 1555. Народ. Вохма. (см. также: *Дориче* с. с. То доричо нашихъ деревнь. Грам. 1490. *Дорить* сорить. Надорить въ ивѣ Вохма. Экъ сколько дору ів.; *Дороватый* ая, ое, полный сору, хламу. Дороватый лесъ, дороватое поле).

Доспѣть I. сѣлать. А около города острогъ доспѣша. Лѣт. Новг. И ту посидѣ мало, дондеже доспѣютъ Іюдъ ги и поставятъ крестъ. Пут. Игум. Да пѣтъ не доспѣите себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церкъвамъ и лѣсту сему пуст оты. Л. Н. 1359. А мнѣ ся, господине, въ томъ

убытка достъгло шесть рублевъ денегъ. *Прав. Грам. 1510. Да на дубъ достъгли грань. Пра в. Грам. 1518. У васъ безъ коней достъвають. Грам. Что дей намъ достъете? И язъ дру жбу доведу ив. Народ. Вохма. 2. Вооружиться. Слышавше Болгары въ малъ дружинъ Мсти-слава пришедша и идуца вспять съ полономъ, достъгша вборзъ и поъхаша по нихъ въ шести тысячахъ и за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ Кб. 251. Почаша воевати Ольговичи, и приведоша Половецъ множество, и взяша Прилукъ, хотяще пойти на Ярополка къ Киеву, Ярополкъ же ~~вои~~ со братьею своею, и идоша Ольговичи опять къ Чернигову. Кб. 191. Олговичи храбрыи князя достъгли на брань. С. о П. И. (т.е. «Слово о полку Игореве»). – В. М.).*

Гонъ, гоны, гон, гону, ловля, охота. Бобровый гонъ, бобровое гъздо. Если бы князские, панские або и землянские были гоны бобровые. *Ст. Лит. X.9* (т. е. «Статут Литовский» 1588, раздел 10, артикул 9. – В. М.).

Лазбень, я, м. въ Польск. łazbień; липовый сосудъ, родъ бадьи, въ которую складываю медъ, вынимаемый изъ улья или борта. См. лазовка, липовка. А бортникомъ волно на лезиво лыкъ, альбо лубъя на лазбень и на иншыя potrzeby, што бортникомъ на potrzeby ихъ бортницкие прислушаетъ, тыле, иле имъ потреба будетъ взяти. *Ст. Лит. X.3. Что ты выставилъ лобъ свой, якъ лазбень. Народ. Бълорус. Примгъчат. Линде неправильно объяснил это слово лавочкой, доской, по которой бортникъ лазитъ на бортъ, чтобы вынимать оттуда медъ – или какъ выражается въ народномъ пчеловодствѣ – на которой онъ подлазитъ бортъ. Sown. język. polsk. tom I, część II, стран. 1238* (речь идет о лексиконе С. Б. Линде [24]). См. Подлазитъ.

При рассмотрении целевой заданности помещения в словарь подобной лексики стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в статьях, относящихся к историзмам, нередко фигурируют сопроводительные пометы: *народ.* и *АС нѣтъ* (т. е. в «Словаре Академии Наук» данное слово не значится). Составитель стремился, таким образом, зафиксировать архаизмы, удержавшиеся в народном употреблении. Совсем не случайно почти каждое второе из праховских «исторических» слов и выражений фигурирует в современном «Словаре вологодских говоров» [15]. Уже подобные наблюдения должны склонять нас к мысли, что основным объектом лексикографического внимания В. И. Прахова

являлась не историческая, а диалектная или же просто бытовая лексика: слова повседневного употребления, характерные для речи простолудинов преимущественно вохомского региона.

Вообще вологодские говоры приковывали особое внимание исследователей. Репутацию чуть ли не первого диалектного лексикона в России несет «Словарь областных слов, употребляемых в городе Устюге Великом» (1757 г., 301 слово). Только вот опубликованные материалы этого словарика были полтора века спустя [13:442–450].

Похожим образом складывалась судьба других вологодских лексикографических собраний: специалисты считают, что до появления сводного «Опыта областного великорусского словаря» (1852, 1858 гг.) местными ценителями народного слова было составлено более двадцати списков диалектизмов [19:84]. Да и столь ценимый теперь «Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г.» донедавна (2006 г.) также существовал только в авторском экземпляре.

По всей видимости, праховские «Материалы...» ко времени своего составления являли собой наиболее объемный лексикон народных слов этого региона. Здесь зафиксированы названия утвари, посуды, пищи, одежды, обуви, лексика различных промыслов, ремесел и занятий, элементов народной духовной культуры, обрядов и суеверий:

Баб`ушка -ечка с. ж. игрушка, кукла. *Ахъ! Сколько у тебя баб`ушекъ! Говорятъ дитяти. – Детей надо забавлять бабушками. Народ. Вохма.*

Бобы -овъ, мн. м. Четвероугольные, большею частью изъ хѣбной корки нарѣзанныя жеребейки, на коихъ гадаютъ ворожеи. *Чужую бѣду на бобахъ развѣду, а къ своей и ума не приложу. Погов. Ворожить на бобахъ, разводитъ на бобахъ.*

Весн`ина -ы, ж. шерсть, снимаемая съ овечь весною. *Снять веснину.*

И`стопле -я, ср. количество дровъ для вытопленія печи одинъ разъ. *Нарубилъ дровъ на два истопля. Да тутъ не будетъ дровъ и поль истопля. Народ. Вохма.*

Кита -ы, ж. Кита сѣна, гороху. *В ехоть, мочалка, пукъ мочаль для мытья въ дом лавокъ, посуды, столовъ и пр. Китой мыть посуду. Народ. Вохма*

Пронизка -и, ж. Стекланный синяго или голубаго ~~шту~~ просверленный шарикъ,

употребляемый въ простомъ гь народ на ожерелья.

Сударь платъ, убрусъ, утиральникъ, полотенце.

Упакъ с. м. обувь, скатанная изъ шерсти. Ходить въ упакѣхъ. Вохма. Нога въ сапогъ другая въ упакѣ. *ib.*

Халтура с. ж. Поминальный пиръ, иногда вообще пирушка. Просить на халтуру. Пошли куры на халтуры, соловейко померъ. Бѣлор. Вохма. (см. также: **Халтурникъ** с. м. любитель пировъ, чело~~въ~~, любящій попить и поѣсть на счетъ другаго. Экой ты халтурникъ! Вохма. *Ale tobie widzę, iako staremu pirużnikowi, albo chalturnikowi, nie o powagę świętą, ale barziew o kiermaszu idzie. Pim. 332**).

Представление этнографизмов нередко сопровождается пояснительно-энциклопедическими толкованиями:

Горбуша с. ж. Коса, которою косятъ, бываетъ вправо и влѣво. Она противопологается ~~коч~~ такъ называемой литовкѣ, и отличается отъ этой ~~тѣмъ~~, что имѣетъ видъ огромнаго серпа.

Нойка -и, ж. Это слово употребляется охотниками за ~~врями~~. Зимой, ночуя въ лѣсу, они вырубаютъ два кряжка изъ подстойнаго дерева, кладутъ сперва одинъ, обтесываютъ его сверху въ длину, чтобъ лучше принялся огонь, потомъ на конце, накладываютъ кобылкой, т. е. брусочки, ~~глыщие~~ углубленія съ обѣихъ сторонъ чтобъ тверже держались на кругломъ деревѣ, и сверхъ ихъ накладываютъ другой кряжъ. Кобылки служатъ для того, чтобъ верхний кряжъ сверху держался на нижнемъ и оставалось бы между ними пространство. Уложивъ такимъ образомъ оба кряжа, кладутъ огонь между ними. Верхний кряжъ какъ крыша препятствуетъ огню и теплу стремиться вверхъ и направляетъ ихъ въ стороны, теплота распространяется очень далеко отъ такого костра и почти параллельно къ землѣ.

Стлань (по выгов. слань) -и м. настилка изъ тонкаго ~~тсу~~ на мельничной запрудѣ, чтобы вода, падая на нее, не выбивала ямъ. Народ. Вохма. Смоленск. Губ. На стлани бываетъ вода. На слань зашла рыба. На слани поймали большую щуку. Народ. Вохма.

Супрядки и, ж. Посидѣлки, куда бабы и дѣвки собираются прядь, въ однихъ мѣстахъ каждая для себя, въ другихъ всѣхъ хозяйку. Тверск. Бѣлорус. послѣд. Вохма.

Тележникъ Дорога, по которой можно гѣздитъ на телегахъ, на колесахъ, въ противоположность дорожъ, по которой можно гѣздитъ только верхомъ.

Демонстрация образцов народной речи отнюдь не ограничивается у В. И. Прахова показом узкорегionalной этнографически маркированной лексики. Немалое место в рукописном лексиконе занимают слова, соотносимые с лексическими единицами литературного языка, но отличающимися от последних по форме или значению, напр.:

Простины прощанье. Быть у того на простилахъ Нар. Вохма. Волог.

Сегодній сегоднешній -яя, -іе, нынѣшнему году принадлежащій. Сегодній урожай хлѣба не равняется лонскому. Нар. Арх. Вологда.

Странь -и. об. Экая ты странь! Съ такой странью я не хочу и дѣла имѣть.

Чисть -и, ж. Какая чисть на небъ гь. Народ

Хворышь с. м. Экой ты хворышь!

Арабчикъ а. м. такъ въ народѣ называють червонецъ, вероятно, отъ того, что въ старину чистое золото носило некогда названіе аравійскаго.

Благой -ая, -ое дурной. Волог. Оренб. Погода, дорога. Шуба добрая, а ты думаешь благая. Псков. Губ. (ср. также: **Блажной** помѣшанный, сумасшедшій, сумасбродъ).

Ватага с. ж. 1) артель, нѣсколько чело~~въ~~гъ, соединившихся для какого-либо общаго дѣла или промысла. 2) По Волгѣ и Каспійскому морю называются ~~пта~~ста, гдѣ рыбу ловятъ, 3) Семейство, семья. Велика ли у тебя ватага, ватажка? Народн. Вохма. 4) Толпа, множество. Такая валитъ ватага. Народн. Вохма.

Тепло -а, ср. огонь. Достать тепла. За тепломъ сходить. Нар. Вохма.

Хвостъ с. общ. Тотъ, кто ложь, неправду говоритъ. Экой ты хвостъ. Народ (см. также: **Хвостить** гл. -цу, -ишь, -тъ, лгать, врать. Не хвости. Ой, дѣва, ты схвостила. Вохма).

Будучи неплохо подготовленным на то время лингвистом, В. И. Прахов при составлении лексикона достаточно часто предпринимал пробы этимологического анализа. Подспорьем исследователю служили труды Ф. И. Рейфа [12] и Ф. С. Шимкевича [23].

Получалось не всегда удачно – чуть ли не половина интерпретаций ошибочна, но в наблюдательности и самостоятельности решений мстиславскому лексикографу не откажешь:

* Цитируется сочинение Петра Могилы [25].

Буздан`уть гл. ударить, треснуть, поразить. Я тебя такъ буздану. Ср. Лит. *wezdas palka**. АС нгѣтъ.

Ёвня и. ж. овинъ, гумно. Сушить евно, быть на евнѣ, спалить евно. Бѣлорус. Слово евня одно изъ ~~замѣтательнѣйшихъ~~ въ сл. авянской филологіи, происходитъ отъ Литовскаго *iawas*, которое, означая земныя произведенія, полевые плоды, вообще всякій хлѣбъ, растущій въ полѣ, однородно въ этимологическомъ смыслѣ съ Лат. *Ops*, съ Верхне-Германскимъ *obst* и съ Славянскимъ *овощь***. Вотъ что говоритъ Гваньини объ этихъ бѣлорусскихъ евняхъ: *Ruś biala zaraz z pola znosi wszelakie zboże do izb czarnych, które oni iawiami zowią, i tam ie suszą. Pwagn. 335* (А. Гваньини – итальянец, служившій в Великом княжестве Литовском, издатель и автор историко-географических сочинений, цитируется Праховым по словарю С. Б. Линде [24:869]. – В. М.). Такимъ образомъ, русское овинъ происходитъ совсемъ не отъ нѣмецкаго *офен* печка, какъ досѣ думали филологи (Линде, Рейфъ и др.), а есть то же евня, только въ другой діалектической формѣ и какъ то, такъ и другое означаютъ собственно мѣсто, куда складывается для сушки и потомъ для молоченія неотдѣленный еще отъ соломы хлѣбъ разнаго рода: рожь, пшеница, овесъ, ячмень и пр. Самое слово гумно есть не иное что, какъ опять то же евня***. Здѣсь произошло слѣдующее измѣненіе: во-первыхъ м стало на мѣсто в. Это подтверждается Рагузанскимъ, Босняцкимъ, Кроатскимъ, Славонскимъ (более привычные названия упомянутыхъ диалектов и языков: далматинский, боснийский и хорватский; славонское же наречіе фиксировалось на территории Славонии, исторической области на востоке Хорватии. – В. М.), Сербскимъ и нашимъ областнымъ (Вологодск. Губ.) названіемъ гумна съ удержаніемъ вѣсто м буквы в – *гуопо*, *г`увно*, *гунв`о*; а въ началѣ, во -вторыхъ, при-

бавилось придыхательное *г*, на такомъ же основаніи, по которому слово явный въ Словацкомъ имѣетъ форму *gewni*, въ Боге мскомъ (т.е. чешском. – В. М.) *gewny* и по старинному *gawny*. – У Рейфа и Шимкевича гумно считается словомъ кореннымъ.

Холуй с. м. Соръ, хламъ, оставленный весеннею водою на берегахъ рѣкъ, гдѣнибудь въ кустахъ, въ лѣсу, въ затишьѣ. Корень слова за холусте*. Да отъ Пызаозера между Холуя да Палиезеромъ большимъ. Грам. 1508.

Заключая представление неоконченного лексикографического труда мстиславского исследователя-любителя, отметим, что собранные им «Материалы...» не стоит рассматривать исключительно как историческую реликвию, звено в цепочке ранних подборок диалектных слов.

Праховскимъ словарь имеет самостоятельную ценность, поскольку отражает живой язык, хотя и стосемидесятилетней давности. В этом отношении черновики Вохомского Пономаря должны рассматриваться в рамках лексикографических разработок, представляемых скорее В. И. Далем, чем И. И. Срезневским.

*М. Фасмер не исключает здесь влияния тур. *bozdogan* ‘дубинка, палица’, хотя сам глагол характеризует как неясное с этимологических позиций слово [21:232].

**Признавая справедливость возведения *евни* к лит. *jaija*, укажем вместе с тем на некорректность соотнесения этой группы с лат. *Ops*, верхне-нем. *obst* и слав. *овощь*, к тому же последнее слово по своему происхождению никак не связано с двумя предыдущими.

***снова исследователь оказывается лишь отчасти прав: слово *ёвня*, действительно, связано с *овин*, но отнюдь не родственно производным из **gu*-.

*Позже к подобному этимологическому толкованию пришел также А. И. Соболевский [16:146], однако М. Фасмер признал это решение неудовлетворительным [22:83].

Литература

1. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. : тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. — 447 с.
2. Борисов Н. Несколько простонародных слов, употребляемых в шенкурском уезде (Арханг. Губ.) / Н. Борисов // Отечественные записки. — 1844. — Т. XXXII, Смесь. — С. 82—90.
3. Буслаев Ф. О преподавании Отечественного языка. Ч. 2. / Ф. Буслаев. — Москва : Университетск. тип., 1844. — 375 с.
4. Дополнение к Опыту Областного Великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1858. — 328 с.
5. Макаров М. Краткий словарь народных речений / М. Макаров // Маяк. — 1844. — Т. XVIII, кн. XXXV, гл. V. — С. 49—56; кн. XXXVI, гл. V. — С. 143—150.
6. Макаров М. Опыт русского простонародного словотолковника / М. Макаров. — Москва : изд. Московского ун-та, 1846. — 184 с.
7. Кузмищев П. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке / П. Кузмищев // Москвитянин. — 1844. — Ч. II, № 3. — С. 237—259.
8. Мякишев В. П. «Слово о полку Игореве» в рукописном комментарии и судьбе анонимного исследователя XIX века / В. П. Мякишев, Н. М. Федосова. — Воронеж : изд-во ВГУ, 2000. — 222 с.
9. Никитин О. В. Очерк истории изучения памятников русской деловой письменности (XVIII—XX вв.) [Электронный ресурс] / О. В. Никитин // Православный образовательный портал «Слово». — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42065.php>.
10. Опыт Областного Великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1852. — 300 с.
11. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности [в 2 т.]. / [сост. В. Бурнашев]. — СПб. : тип. Жернакова, 1843—44. — Т. 1. — 1843. — 487 с.; Т. 2. — 1844. — 415 с.
12. Рейфъ Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или этимологический лексикон русского языка. — СПб. : тип. Греча, 1835—1836. — Т. 1. — 1835. — 648 с.; Т. 2. — 1836. — С. 641—1111, 279.
13. Симони П. К. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1737 г.). // Живая старина. — 1898. — Вып. III. — С. 443—450.
14. Симони П. К. Русский язык в его наречиях и говорах. Вып. I, ч. I. / П. К. Симони. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1899. — 96 с.
15. Словарь вологодских говоров : [вып. 1—12] / [под ред. Т. Г. Паникаровской]. — Вологда : изд-во ВГПИ/ВГРУ, 1983—2007.
16. Соболевский А. И. Этимологические заметки / А. И. Соболевский // ЖМНП. — 1886. — Ч. 247, сент. — С. 143—157.
17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. — Москва : тип. Всеволожского, 1813. — 689 с.
18. Срезневский И. И., Материалы для Словаря древнерусского языка [в 3 т.]. — СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893—1903. — Т. I. — 1893, — С. IX, ст. 1420, с. 49.
19. Судаков Г., Вологодский крестьянин в зеркале родного говора / Г. Судаков // Русская речь. — 2004. — № 3. — С. 84—92.
20. Суровцев. Нечто о собрании областных слов / Г. И. Суровцев // Ученые записки, изд. Имп. Казанским университетом. — 1839. — Т. II. — С. 193—206.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [в 4 т.]. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I. — 1986. — 573 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [в 4 т.]. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. II. — 1987. — 671 с.
23. Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями. Ч. I—II. — СПб. : тип. Академии наук, 1842. — Ч. I. — 160 с.; Ч. II. — 167 с.
24. Linde S. B. Słownik języka Polskiego [w 6 t.]. — Warszawa : w druk. XX Pijarów, 1807—1813. — Т. I, cz. 2. — 1808. — 1215 s.
25. [Pimin E.], Lithos abo kamień z procy prawdy. — Kraków : druk. Waleryana Piatkowskiego, 1642. — 424 s.